

ВСТРѢЧА СЪ СТАРЫМЪ ЗНАКОМЫМЪ.

На шестнадцатомъ году отъ роду вступилъ я въ военную службу, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ опредѣленія моего, погнали насъ, какъ выражались солдаты, изъ Таврической губерніи въ Грузію. Отецъ, благословивъ меня, объяснилъ, что можетъ встрѣтить меня на поприщѣ дѣйствительной службы, одинокого, безъ протекціи и связей, и какъ должно преодолевать всѣ невзгоды и лишенія походной жизни.

Ротный командиръ мой, капитанъ П..., былъ человѣкъ добрый въ частной жизни; но на службѣ, ни для кого не отступалъ отъ устава, а потому я, не смотря на то, что имѣлъ собственную повозку, долженъ былъ, на равнѣ со всѣми солдатами, идти въ полной походной амуниціи, безъ всякаго состраданія со стороны капитана и гг. офицеровъ, которые, впрочемъ, внѣ службы ласкали меня, по своему, и подтрунивали надо мной, спрашивая: «что, нѣжинка, видно двадцать-пять верстъ пройти съ ружьемъ и ранцемъ на плечахъ, да на привалѣ закусить сухаремъ съ водою, не то, что дома плясать мазурку и облизываться послѣ маменькиныхъ пирожковъ?» Горьки были эти ласки, и я всегда съ жолчью утверждалъ, что походъ лучше мазурки, а сухари вкуснѣе пирожковъ. Эти выходки нравились солдатамъ; и въ нихъ—то я, сверхъ ожиданія, встрѣтилъ искреннее сочувствіе.

Дома, когда я былъ еще мальчикомъ, мнѣ казалось страннымъ, отъ чего отецъ, часто до слабости, былъ снисходителенъ къ прислугѣ и всегда старался внушить намъ, дѣтямъ, что между слугъ скорѣе можно найти человѣка. Мысль отца я началъ разгадывать только въ шестнадцать лѣтъ, на службѣ, и часто задавалъ себѣ вопросъ: отчего крестьянамъ присвоено названіе «черный народъ», когда изъ среды ихъ выходятъ такіе чистые люди, какъ солдаты, сочувствовавшіе моему положенію, во время моего перваго труднаго похода? Впослѣдствіи, горькій опытъ помогъ мнѣ, можетъ быть и не вѣрно, истолковать этотъ вопросъ: я нашелъ, что это названіе дано имъ, вѣроятно, потому, что этотъ «черный народъ» трудами своими даетъ возможность намъ, господамъ, питаться бѣлымъ хлѣбомъ.

Простите за маленькое отступленіе: я всегда увлекаюсь, когда начинаю говорить о людяхъ, произведшихъ на меня еще съ молодю сильное впечатлѣніе; оно не изглаживалось у меня никогда изъ памяти, и мнѣ кажется, что я свято сдержалъ слово, данное мною покровителямъ моимъ солдатикамъ, во время упомянутаго похода. Это случилось, какъ теперь помню, на бивуакахъ у костра, когда дядька мой, унтеръ-офицеръ Захаровъ, замѣтивъ, что я, лежа спиною къ огню, прожегъ бывшую на мнѣ казенную шинель, вскрикнулъ: «дворянчикъ, вставайте, — вы сожгли шинель!» Я спохватился, и увидѣвъ, что плечи ея и все заднее полотнище пожелтѣли, сильно встревожился: мнѣ тотчасъ пришли въ голову строгія наставленія капитана, какъ должно беречь казенныя вещи. Захаровъ же не замедлил приступить къ дѣлу: онъ предложилъ мнѣ снять шинель, и какъ ночь была холодная, то прикрылъ меня своею, а самъ, въ одномъ старенькомъ мундирѣ, принялся вытирать припаленныя мѣста шинели, сначала сухою землею, а потомъ твердою щеткою. Когда работа была окончена, и оказалось, къ моему удовольствію, что пятна не слишкомъ замѣтны, я благодарилъ его отъ души, но онъ, не обращая вниманія на мою благодарность, обмѣнявшись со мною шинелями, улегся тутъ же у костра, какъ бы погруженный въ какую-то думу. Спустя нѣсколько времени, онъ отозвался ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Вотъ оно што, вотъ вы дворянчикъ таперича и благодарите, и всякую нужду съ нами дѣлите, а небось, въ офицеры выйдете, перваго солдатика, у котораго замѣтите сожженую шинель — даромъ не пропустите, право слово,

што такъ».—«Нѣтъ, говорю, Захаровъ, даю тебѣ честное слово, что никогда не забуду я добрыхъ солдатъ, буду всматриваться въ ихъ нужды, и безъ вины виноватаго не буду наказывать». «Ну то-то, дай-то Богъ, чтобъ такъ было, а то я много васъ видѣлъ, были славные, а какъ въ офицеры вышли, такъ и за-были о солдатскомъ горѣ.»

Съ тѣхъ поръ, до той минуты, пока непріятельское ядро не вырвало меня изъ рядовъ этихъ чудо-богатырей и не вынудило сдѣлаться мирнымъ гражданиномъ, я твердо помнилъ данное мною обѣщаніе. Да и какъ забыть всѣ попеченія этихъ добрыхъ усачей, тѣмъ болѣе, что они выражаютъ ихъ не по нашему, хоть часто и неразумно, но всегда чистосердечно. Напримѣръ, во время похода, мнѣ случилось схватить лихорадку; бѣда: рапортоваться больнымъ, оставить гдѣ нибудь на пути въ лазаретъ, котораго я страшно боялся по описаніямъ солдатъ же; вотъ они и принялись лечить меня водкою съ перцемъ; кашицы и сухарей не даютъ: «эта пища, говорятъ, тяжелая, а вотъ мы вамъ по легче припасли», и смотришь принесутъ тебѣ десятокъ печеныхъ яицъ; «кушайте, а то совсѣмъ отощаете, и не сойдти вамъ.» Боже мой! чего не вынесетъ молодость? Печеные яйца въ лихорадкѣ! Правда, лихорадка не скоро бы меня оставила при этомъ способѣ леченія, но молодость взяла свое, и я выздоровѣлъ. А между тѣмъ, повторяю, всѣ эти попеченія глубоко запали въ мою душу; я и теперь съ благоговѣніемъ вспоминаю сѣдыхъ усачей: дядьку Захарова, Рыжикова, Румянцова и другихъ, которые, видя меня изнемогающаго подъ бременемъ солдатскаго вьюка, на перерывѣ предлагали поднести ружье; кто знаетъ солдатскій вьюкъ того времени, тотъ пойметъ, что значило увеличить тяжесть его еще однимъ ружьемъ, и слѣдовательно, не затруднится оцѣнить великодушіе солдатъ. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно прятали меня въ средину отдѣленія, и какъ только показывался капитанъ, отдавали мнѣ ружье, опасаясь подвергнуть меня взысканію, которое непременно увеличило бы мой вьюкъ еще однимъ ружьемъ.

Такимъ образомъ, съ трудомъ совершая переходъ за переходомъ, я все болѣе и болѣе сроднялся съ солдатскою семьею, и съ тѣхъ поръ полюбилъ нашего солдата: я видѣлъ въ немъ человѣка, разставшагося съ родиной, семьею почти навсегда, человѣка, который, при самыхъ тяжкихъ условіяхъ быта своего,

безропотно переносить всѣ нужды походной жизни и всегда готовъ, очертя голову, лезть въ огонь и воду, ради одного «спасибо»; подобнымъ самоотверженіемъ не можетъ обладать человѣкъ безнравственный. Тридцать лѣтъ сряду я видѣлъ такимъ нашего солдата. Онъ почти всегда вѣрно опредѣляетъ своего начальника и искренно любить тѣхъ изъ нихъ, которые умѣютъ понимать ихъ нужды.

По прибытіи въ Грузію, насъ тотчасъ повели на Лезгинскую линію, къ неприступнымъ тогда Закаталамъ. Здѣсь въ первый разъ услышалъ я свистъ непріятельской пули, и здѣсь мнѣ удалось видѣть непритворную радость солдатъ при встрѣчѣ съ любимымъ начальникомъ. Нѣсколько дней спустя послѣ прибытія нашего къ Закаталамъ, ожидали туда незабвеннаго для старыхъ Кавказцевъ Алексѣя Петровича Ермолова; для него, по обыкновенію, не готовили встрѣчи, не отдавали приказаній строиться передъ палатками, кричать ура! Мнѣ юному не вѣрилось, что ждутъ главнокомандующаго: чтобы это значило, всюду говорятъ о пріѣздѣ его, и не приказываютъ чиститься, не дѣлаютъ репетицій встрѣчи. На вопросы мои, старые Кавказцы отвѣчали: «Дѣдушка нашъ этого не любить, онъ знаетъ, что мы и безъ приказанія рады ему». Въ день пріѣзда Алексѣя Петровича, послѣ полудня, я замѣтилъ какую-то суету въ лагеряхъ: вижу, всѣ солдатки, кто въ чемъ былъ, выскакиваютъ изъ палатокъ и бѣгутъ на Алазинскую дорогу, — «что такое ребятушки?» — «Бдетъ! Бдетъ!» отвѣчали мнѣ, толпясь къ дорогѣ. Я бросился за ними, вижу, какъ теперь, верхомъ на небольшомъ горскомъ конѣ, въ простомъ нарядѣ, ласково привѣтствовавшего насъ Ермолова; за нимъ весело, почти бѣгомъ, слѣдовалъ баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка; неподдѣльная радость сіяла на лицахъ солдатъ, встрѣчавшихъ своего любимца; офицеры также радостно и запросто встрѣчали его, въ чемъ были, большею частію въ буркѣ и косматой шапкѣ; каждый спѣшилъ взглянуть на него. Алексѣй Петровичъ, какъ говорили кавказскіе офицеры, не осыпалъ наградами; но не смотря на эту скупость, войска любили его. Мнѣ, находившемуся въ семейномъ кругу солдатъ, возможно было убѣдиться въ этомъ; и убѣжденія эти вѣрны, потому что они не основаны на тѣхъ восторгахъ, которые выражаются въ подготовленныхъ встрѣчахъ; войска видѣли въ немъ и начальника и человѣка: вотъ чѣмъ привораживалъ онъ сердца добрыхъ солдатъ.

Не желая болѣе отвлекаться отъ моего разсказа, я не буду распространяться о множествѣ случаевъ, которые заставили меня искренно полюбить солдата, а вмѣстѣ съ нимъ и то сословіе, изъ среды котораго онъ выходитъ.

Послѣдніе два года передъ минувшею компанією, по обязанностямъ службы, мнѣ часто случалось плавать на кавказскихъ пароходахъ у восточныхъ береговъ Чернаго моря. По всегдашней наклонности сближаться съ солдатами, я скоро ознакомился со многими матросами, служившими на тѣхъ пароходахъ. Они утѣшали меня разсказами о своихъ молодецкихъ выходкахъ на морѣ и на сушѣ, и особенно потѣшно разсказывали о встрѣчахъ своихъ въ кофейняхъ Константинополя съ Англичанами; какъ они вмѣстѣ напивались, и какъ обыкновенно цопойка оканчивалась драками. При встрѣчахъ съ солдатами, я и теперь люблю всматриваться въ лица ихъ; мнѣ чудится видѣть въ нихъ что-то родимое. Въ 185... году случилось мнѣ встрѣтить на улицѣ города Н... матроса, который какъ-то особенно привѣтливо поздоровался со мною.

— Ты знаешь меня? спросилъ я его.

— Какъ не знать,—нешто разъ плавали съ вами на «Могучемъ!»

— Здорово Алексѣенко, я было не узналъ тебя. Гдѣ вашъ командиръ, Иванъ Матвѣевичъ? (*) Я слышалъ, онъ изувѣченъ.

— Што и говорить! Такъ-то изувѣченъ, что вотъ покинулъ насъ. Жаль, славный былъ командиръ!

— Давно ты видѣлъ его?

— Съ тѣхъ поръ, какъ снесли въ Керчи въ больницу; послѣ взрыва на «Могучемъ», не видѣлъ его сердешнаго.

Слезы навернулись на глазахъ Алексѣева; я готовъ былъ обнять его.

— Пойдемъ, братъ, ко мнѣ,—я поднесу чарочку, вспомнимъ бывшее, и ты поразскажешь мнѣ кое-что о «Могучемъ».

(*) Иванъ Матвѣевичъ Кушкевичъ, капитанъ 2-го ранга, бывший командиръ парохода «Могучій», который взорванъ имъ при вторженіи непріятеля въ городъ Керчь.

— Можно, покорнѣйше благодаримъ.

По приходѣ на квартиру, я поднесъ ему чарку вина, и вмѣстѣ съ нимъ выпилъ за здоровье командира его.

— Нутко, Алексѣевъ, рассказывай теперь подробно, какъ сожгли вы «Могучій», и какъ спаслись сами отъ гибели?

— Больно тяжело!—Вотъ теперь смотрю на васъ—и думается: вы на палубѣ съ нами балагурите... Не хочется и вспоминать, что «Могучаго» нѣтъ.

— «Могучаго» не вѣрнешь, такъ хоть помани его добрымъ словомъ.

— Надоть рассказать. Дай Богъ памяти! 12-е мая тяжелый для насъ день: утромъ капитанъ прибылъ отъ генерала Врангеля и объявилъ намъ, что никакъ до семидесяти неприятельскихъ винтовыхъ кораблей и другихъ судовъ кошли въ проливъ съ десантомъ, почитай въ 60,000 Француза, Англичана и Турка, и что пароходъ нашъ нужно или затопить или сдать. Прости Господи! — такъ и зашемило. Что тутъ дѣлать? А надо вамъ сказать, что мы трудились надъ работами въ тяжкую зиму и приводили всю разобранную машину къ концу; всѣ до одной души радовались, отъ командира до послѣдняго матроса, видѣвши своего любимца при концѣ работъ, открашеннаго внутри и снаружи; еще бы денька три—опять нашъ «Могучій» замоталъ бы своими крыльями и сталъ бы наравнѣ съ своими товарищами, кавказскими. Но Богу угодно было иначе дѣло направить!

Тутъ Алексѣевъ смолкъ; грусть отпечаталась на его лицѣ. Я не въ силахъ былъ понуждать его къ разсказу; молча поднесъ ему чарку, онъ молча выпилъ, крикнулъ и продолжалъ разсказъ.

— Получимши приказаніе оставить всѣ работы и готовиться къ затопкѣ или зажижкѣ, мы съ глазъ не спускали командира; онъ сдѣлался въ то время смутнымъ; ждемъ, что прикажетъ. А тутъ-то—Алексѣевъ указалъ на грудь—что дѣлалось—Господи, упаси и врага отъ такой напасти! Первоначально думали, что насъ отбуксируютъ на Еникольскій рейдъ, чтобы пароходъ могъ совсѣмъ затонуть; вышло не такъ: насъ оставили одиночнымъ противу Миратейства. Всѣ пароходы: «Аргонавтъ», «Донецъ» и «Бер-

дьянскъ», простояли съ нами только до втораго часу послѣ полудня, а потомъ ушли въ Евиколь. На «Бердянскъ», командиръ пересадилъ, съ лейтенантомъ Ушаковымъ, восемьдесятъ человекъ команды, а насъ, всего десять человекъ, оставилъ при себѣ. На разставаньи товарищи благословили насъ и, перекрестясь, бросились въ барказы. Какъ только отвалили, на душѣ стало такъ пусто.... ну, словомъ,дохнуть нечѣмъ. И теперъ морозъ по кожѣ подираетъ.... Эхъ! на что это вы меня подбили! Ей-Богу тяжело вспоминать то время.

— Надо, братъ, кончить; вѣдь ты знаешь, что и я любилъ вашу «Могучій» и вашего командира.

— Какъ не знать,—бывало такъ и нарвите какъ бы съ нами поплавать; вѣстимо дѣло, кончить надо. Вотъ во второмъ часу, въ половинѣ, услышали мы пальбу съ Павловской батареи, потомъ, немного спустя, видимъ на Павловской взрывъ, потомъ другой, третій, — а тамъ, глядь такой же взрывъ и на батарее Акбурунской — знаете, что Николаевской прозывали. Ну, думаемъ, дѣло не ладно... Какъ тутъ же видимъ, что канонерскія лодки бѣгутъ изъ-за мыса. Такая-то злоба взяла, — кажись бы зубами изъ него проклятаго душу вытащилъ! такъ нѣтъ, не хватаетъ. Командиръ сейчасъ подходитъ на бакъ и отдаетъ приказаніе: готовиться пароходъ зажигать. Такъ и ударило въ сердце! Да ужь—съ сердцовъ, что ли—какъ начали мы по всѣмъ мѣстамъ разливать смолу, масло, разбрасывать сало, свѣчи и всякіе горючіе матеріалы (*), такъ ажъ самимъ страшно стало. А до прежде того у насъ въ крут-каморѣ (**) было 60 пудовъ пороху, которые командиръ приказалъ выбросить, а пять боченкокъ оставили, не трогая. Вотъ въ этомъ-то и вся бѣда была; думали, зачѣмъ оставлять, а дѣло-то вотъ какое: командиръ вишь разсудилъ, когда зажжемъ пароходъ, сойдемъ съ него, то догорѣвши до пороха, разорветъ «Могучій» до конца, чтобы, то есть, нехристамъ не достался. Когда все было готово къ зажжкѣ и положили машину, командиръ приказалъ зажигать, а кочегаръ Иванъ Ѳедоръ и говоритъ: «нѣтъ, отецъ родной, наложи самъ руку»; тогда командиръ взялъ лучину, зажегъ въ камбузѣ и внесъ огонь въ жилой кубрикъ. Послѣ этого, мы словно звѣри лютые на свое

(*) Матеріалы.

(**) Въ крут-каморѣ.

дѣтище озлобились : начали зажигать во всѣхъ концахъ пароходъ; огонь пошелъ ходить по всему такъ живо, что не успѣли мы опомниться, какъ онъ выскакивалъ уже со всѣхъ люковъ: былъ сухъ сердешный и выкрашенъ, значить, масляною краскою, такъ было гдѣ огню разгуляться. Въ это время непріятельскіе пароходы направились на нашъ рейдъ и отрѣзали пароходъ «Бердянскъ», такъ, что ему не куда были дѣваться; онъ возьми, да и бросься на берегъ. Командиръ нашъ, видно все имѣлъ думку, какъ бы скорѣй покончить «Могучій», чтобы врагу не достался: не смотря на то, что пароходъ былъ уже весь въ пламени, приказалъ двумъ нашимъ кочегарамъ, Анниченкѣ и Мамонтову, зажечь кругъ-камору, — тамъ они и погибли, Царство имъ Небесное! А у самого, знаете, въ рукѣ футовой шалфейеръ (*) въ длинныхъ стапинахъ; велѣлъ поставить въ боченокъ и протягъ штапинъ; когда его зажгли, то не прошло и минуты, какъ ударилъ взрывъ. Этимъ взрывомъ бросило командира съ кормы съ правой стороны на лѣвую, подъ самую площадку, забросали его обломками такъ, что не видать; слышимъ, онъ сердечный едва вымолвилъ: «ребята! кто есть живой, спасите». Я былъ на бакѣ и сомною четыре кочегара; высводбили его и понесли сквозь огонь, спустили на шестерку, стоявшую съ лѣвой стороны, у бака, снесли на берегъ, а тамъ вынесли на базарную площадь, положили на столъ, да такъ и понесли его въ городскую больницу, гдѣ онъ и остался вмѣстѣ съ израненными на пароходѣ же, прапорщикомъ Ивановымъ и кондукторомъ Пальчиковымъ. Мы же, когда собралась вся наша команда, бывшая на пароходѣ «Бердянскѣ», уже поздно вечеромъ простились съ кормильцемъ, горько заплакали и пошли къ войскамъ, отступавшимъ въ Феодосію, на станцію Парпачъ, и оттуда попали на Арабатъ. Много мы вытерпѣли, пока прибыли въ Николаевъ. Послѣ узнали отъ возвратившагося изъ Симферополя прапорщика Иванова и кондуктора (онъ тогда въ прапорщики вышелъ) Пальчикова, что и отецъ командиръ нашъ тамъ же находился, живъ и поправляется; вотъ мы на радости возьми и напиши ему письмо, авось полегчаетъ ему, какъ узнаетъ, что мы живы, здоровы.

Крупная слеза заключила разсказъ Алексѣева. Я далъ ему поуспокоиться и спросилъ: какое письмо?

(*) Фальшфейеръ.

— Да такъ, знаете, на радости написали.

— Ктожь сочинилъ вамъ письмо?

— Да мы, всей командой разомъ.

— Можешь ты мнѣ доставить это письмо?

— Можно, у насъ есть; коли прикажете, я завтра занесу. Счастливо оставаться.

Я поблагодарилъ его. Разставшись съ нимъ, принялся я тотчасъ за перо, чтобы вѣрнѣе передать бумагѣ все слышанное отъ Алексѣева. Не ручаюсь за точность разсказа, но не сомнѣваюсь въ истинѣ.

На другой день Алексѣевъ принесъ письмо. Вотъ оно — передъ вами, отъ слова до слова, съ неподдѣльными чувствами русскаго солдата и со всѣми ошибками, отъ которыхъ я не хотѣлъ очистить его, чтобы оно не утратило оригинальности своей и представилось читателямъ въ чистой наготѣ своей.

«Городъ Николаевъ, іюня 9-го дня 1855 года. Здравія желаемъ ваше высокоблагородіе! Достоинѣйшій и добрый командиръ, Павелъ Матвѣвичъ!

«Остававшія совмѣстно съ особою вашего высокоблагородія, для заживки парохода, осмѣливаемся пожелать отъ души и сердца нашего добраго здравія и всего лучшаго какъ достойнѣйшему и добрѣйшему командиру, и въ мѣстѣ съ симъ естли мы будемъ такъ счастливы, что Ваше Высокоблагородіе удостоитѣ принять нѣсколько нашихъ словъ, написанныхъ въ восторгѣ неожиданной радости, перѣданной намъ Петромъ Матвѣвичемъ и кондукторомъ Пальчиковымъ, о благополучномъ выѣздѣ вашемъ изъ Керчи и прибытіи въ Семфирополь. Ваше высокоблагородіе! съ самаго выхода нашего изъ Керчь, до прибытія въ Николаевъ Петра Матвѣвича и Пальчикова, всѣ мы ходили какъ семейство потерявшіе отца и доставшіе отчиму; — такъ точно и мы въ дорогѣ попали подъ команду чужаго командира, претерпѣвали во всѣ 20 сутокъ голодъ и холодъ какъ вамъ извѣстно, что мы пошли изъ Керчь раздѣтыми и почти босикомъ; весь переходъ нашъ умывались слезами и говорили другъ другу, за что Господь на насъ прогневался, а болѣе всего горевали и говорили, Боже нашъ не имѣемъ мы ни достой-

нейшаго и добраго нашего командира, который бы похлопоталъ о насъ въ чемъ ниѣли нужду, а то мы шли цѣлую дорогу какъ стадо потерявшіе пастыря. Да сверхъ этого не ниѣли весь путь ни одного своего офицера; даже до самаго Перекопа не знали, куда идемъ, спросить не ниѣли у кого, все было чуждо, только, бывало, сойдемся другъ съ другомъ и со слезами выговариваемъ, Боже милосердивый гдѣ нашъ достойнейшій начальникъ, гдѣ нашъ добрый отецъ семейства; вотъ горе безъ него, когда мы его увидимъ; вѣрно Господь не удостоитъ взглянуть на лице этого достопамятнаго отца нашего, который бы вѣрно позаботился за насъ боліе нежели другой кто, безъ него кажится погибнуть придется; да и приходъ въ Николаевъ не радостенъ, потому что нѣтъ у насъ ни аттестата, ни какой бумаги, по которой бы мы могли какое нибудь вытребовать довольствіе! Вдругъ 6-го числа настоящаго мѣсяца въ 7½ часовъ вечера, Моисеевъ и Лишевскій, узнали прибытіе Петра Матвѣевича и Пальчикова, бросились въ квартиры этихъ лицъ, отъ которыхъ услышали, что ваше высокоблагородіе здравствуете и вывезены въ Симферополь.—Моисеевъ и Лишевскій, на другой день утромъ, прибыли въ экипажъ и тужъ минуту объявили всѣмъ намъ столь неожиданную радость, въ следствіе которой мы осмѣлились написать несколько нашихъ словъ и пожелавъ отъ Всѣхъ вышняго Творца успеха въ скорейшемъ выздоривленіи остаемся въ ожиданіи нетерпеливо видѣть лицо особы вашего высокоблагородія достойнейшаго и добраго командира вѣрноподанные: 15-го рабочаго экипажа унтеръ-офицеръ Алексѣенко, мастеровые Моисеевъ, Шановаловъ, Лишевскій, Михайловъ и Росбештовскій, 15-го Крицверъ, Томачевъ и всѣ бывшіе подъ командою вашего высокоблагородія. *P. S.* Новостей въ Николаевѣ ни какихъ нѣтъ, войска ежедневно проходятъ изъ Одессы на Крымъ, дороговизна но не большая существуетъ, на службу насъ не высылаютъ, потому что не обмундированы. Ваше высокоблагородіе если мы такъ будемъ счастливы удостойтѣ хотя одной строчкой о нашемъ здоровьи, чего мы ждемъ какъ Ангела, исходящаго съ небесъ. Ваше высокоблагородіе не оставьте пожелать отъ насъ всѣго лучшаго Уманскому и Васьки. О последнемъ и родные хлопочуть.»

Алексѣевъ, подмѣтивъ, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я письмо, отозвался съ гордостію: оно полюбилось и батюшкѣ Ивану Матвѣевичу,—говорятъ, носить завсегда при себѣ.

Онъ угадалъ. Я дѣйствительно прочелъ письмо съ искреннимъ удовольствіемъ. Оно воскресило въ душѣ моей множество случаевъ, которые привели меня разъ навсегда къ единственному заключенію, что простой человѣкъ любить по своему, но чисто и безкорыстно, и что только его чувствамъ можно вѣрить на слово. Какъ много письмо это говоритъ въ пользу чистоты нрава русскаго человѣка; какъ вѣрно выражаетъ оно убѣжденіе писавшикъ, что бывшій ихъ командиръ пожалѣетъ ихъ; иначе они не старались бы передать съ такою подробностію всѣ лишенія, ими вынесенныя; даже въ самой жалобѣ, можетъ быть и преувеличенной, проглядываетъ желаніе по своему убѣдить любимаго своего, что они безъ него сиротствовали. Привязанность нашего солдата къ доброму и дѣльному командиру бываетъ такъ сильна, что онъ, солдатъ, поступаая подъ команду другаго начальника, не скоро свыкается съ распоряженіями послѣдняго, хотя бы онѣ несравненно были полезнѣе прежнихъ: онъ скажетъ: оно хорошо, да не тѣмъ порядкомъ ведется какъ при прежнемъ. Такова натура русскаго солдата, или лучше сказать такова натура русскаго человѣка, взрослога часто подъ гнетомъ всего, что только можетъ убивать чувства человѣка, и все это не въ силахъ, однакожь, убить въ немъ одного изъ лучшихъ чувствъ человѣка, чувства любви къ ближнему. Что же можно ожидать отъ русскаго мужичка, когда позволять ему вздохнуть свободно, когда дадутъ ему права, равныя съ правами тѣхъ, которые, волею или неволею, привыкли видѣть въ немъ вѣчно-обязаннаго труженника. Дай Богъ дожить намъ до той счастливой минуты, когда этотъ труженникъ въ первые произнесетъ: я свободенъ, и поблагодаривъ Господа, скажетъ русское спасибо тѣмъ, кому Всемогушій даровалъ возможность выполнить это святое дѣло!

Нужна ли палка русскому солдату и вообще русскому человѣку? Этотъ вопросъ теперь въ ходу, и мнѣ всегда грустно слышать, а еще грустнѣе читать, что,—какъ убѣждены нѣкоторые господа,—безъ тѣлеснаго наказанія обойтись невозможно. Обойдетесь, будьте только снисходительнѣе и доступнѣе къ меньшимъ братіямъ своимъ; полюбите ихъ христіанскою любовію, а тогда и безъ палки можно будетъ учить ихъ всему хорошему. Эти убѣжденія не пустая фантазія: они основаны на тридцатилѣтнемъ опытѣ человѣка, сжившагося съ солдатами, дѣтьми той черни, въ которой, къ несчастію, многіе видятъ отсутствіе вся-

каго человѣческаго чувства. Отбросьте эти идеи! Скоро, съ помощью Господа, вы увидите эту чернь, обрабатывающую ваши же поля, увидите и съ веселыми лицами, трудящуюся не по принужденію, а по доброй волѣ, по сознанию, что трудъ ихъ вознаграждается улучшеніемъ ихъ быта, заработанною ими копейкою.

В. В...Ъ.

20 января 1859 года.
Деревня Солдатскій Куть.
